

ВОСПОМИНАНИЕ О В. А. ЖУКОВСКОМЪ.

Не стало и Жуковского. Имя его вошло въ область минувшаго, присоединилось къ именамъ Ломоносова, Державина, Карамзина... но слѣды его жизни, творенія его мысли, такъ же безсмертны, какъ геній Гомера, передавшій и намъ рукою Жуковского лучшее изъ своихъ твореній — Одиссею.

Но за одного ли Гомера Россія будетъ съ признательностью помнить Жуковского? Не ему ли обязана Русская Словесность, въ изящныхъ его переводахъ, ближайшимъ знакомствомъ съ *Виргилиемъ*, *Овидіемъ* и съ поэтами новѣйшихъ временъ: *Клопштокомъ*, *Шиллеромъ*, *Гете*, *Томасомъ-Муромъ*, *Уландомъ*, *Соути*, *Гебелемъ*, и многими другими.

А самобытный даръ пѣвца Свѣтланы, Громобоя, Бородинской Годовщины, не блеститъ ли ярко и собственными лучами? Очаровательный его разсказъ, въ письмахъ его и описаніяхъ, исполненный мысли и глубокаго чувства, овладѣваетъ душою читателей. Чистая, свѣтлая цѣль всѣхъ трудовъ его, стремленіе къ *неземному*, плѣнительно выражается въ его твореніяхъ. Вся жизнь его была посвящена выполненію священнаго долга любви къ добру, къ человѣчеству, и того высокаго назначенія, которое указано ему самимъ Провидѣніемъ. О, много, много причинъ оплакивать незамѣнимую намъ утрату Жуковского!

Онъ родился въ 1783 году. Тульское Народное Училище было первымъ мѣстомъ его воспитанія. Онъ довершилъ образованіе свое въ *Благородномъ Пансіонѣ* при Московскомъ Университетѣ, гдѣ расцвѣлъ и первый прелестный цвѣтокъ его поэзіи. Въ 1802 году появился его переводъ элегіи *Грея: Сельское кладбище*, въ послѣдствіи, во время пребыванія Жуковского въ Англии, переданный имъ снова въ другомъ ближайшемъ переводѣ. Жуковский, избравъ для себя поприще гражданской службы, не оставлялъ и поэзіи; былъ счастливъ дружбою *Карамзина*, *Андрея* и *Александра Тургеневыхъ*, *Князя Вяземскаго*, *Батюшкова* и другихъ; въ 1808 году издавалъ *Вѣстникъ Европы*. Но при всей любви своей къ мирнымъ занятіямъ въ тишинѣ уединенія, съ первымъ призывомъ любви къ отечеству въ войну 1812 года—спѣшилъ стать подъ знамя Московскаго Ополченія, шелъ къ битвамъ въ рядахъ его, и какъ *Тиртей* воспламенялъ души героевъ. Вскорѣ Россія услышала «*Пѣвца во станъ Русскихъ воиновъ*», возвѣщавшаго спасеніе и славу отечества.

Русскія войска, преслѣдуя вождя двадцати народовъ, перешли побѣдоносно за *Нѣманъ*. Жуковский, проводивъ враговъ за границу, вложилъ мечъ въ ножны и возвратился въ отечество. Знакъ ордена Св. Анны 2-й ст. полученъ имъ въ память заслугъ его въ походѣ 1812 года.

До 1815-го года, онъ проживалъ то въ Москвѣ, то въ Тульской Губерніи. Высокій поэтический даръ Жуковского приобрѣлъ заслуженную славу; съ него начался новый періодъ русской романтической поэзіи, и въ послѣдствіи *Пушкинъ* съ поразительною вѣрностью опредѣлилъ свойство поэзіи своего предшественника и образца:

«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.»

Въ 1817 году Жуковский былъ уже въ званіи наставника Русской Словесности при Ея Императорскомъ Величествѣ (тогда Ея Императорскомъ Высочествѣ) Государынѣ Императрицѣ *Александрѣ Ѳеодоровнѣ*, и въ 1820 и 1823 годахъ сопровождалъ Государыню въ путешествіи за границу, гдѣ въ 1821 г. получилъ прусскій орденъ *Краснаго Орла*.

Кому неизвѣстна важнѣйшая изъ заслугъ Жуковского? Имѣвъ счастье совершить высокое предназначеніе, быть наставникомъ Государя Наслѣдника *Цесаревича*, осыпанный знаками Монаршаго благоволенія, Жуковский искалъ отдыха и возстановленія своего здоровья въ чужихъ краяхъ, и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи. Здѣсь онъ нашелъ достойную себя подругу изъ фамиліи *Рейтернъ* — и сталъ счастливымъ отцемъ семейства.

Въ Германіи Жуковский перенесъ на русское поле роскошный цвѣтокъ восточной поэзіи: «*Наль и Дамаянти*»; тамъ же совершенъ имъ и переводъ *Одиссеи*. Тамъ же, еще прежде того, онъ подарилъ насъ и *Ундиною*, чуднымъ переложеніемъ нѣмецкой сказки *Ла Мотта-Фуке*, которая, подъ перомъ Жуковского, превратилась въ восхитительную поэму. Обрадованный присылкою *Ундины*, я писалъ къ Жуковскому:

«Пусть быстрый времени потокъ
Лѣта, какъ волны въ вѣчность гонитъ,
Но лучшей русскихъ музъ вѣнокъ
Въ рѣкѣ забвенья не потонетъ.
Тебя, любимый нашъ поэтъ,
Не утратить ея пучина;
Легко надъ бездною — всплыветъ
Твоя прекрасная Ундина.»

Обозрѣвая новое собраніе стихотвореній Жуковского, можно было сказать:

«Пѣвецъ Россіи — славу пѣлъ
Двѣнадцатаго Гола;
Когда грозой леталъ орелъ,
Вождь Русскаго Народа;
Хвала поэзіи, хвала —
Восторгомъ вдохновенной;
Тѣ пѣсни Русь передала
Европѣ удивленной.»

Еще хвала тебѣ, пѣвецъ!
Краса твоя Свѣтлана!
Но ты и *Шиллеровъ* вѣнецъ
Взялъ съ *Дѣвой Орлеана*,
И многихъ славу обновилъ
Своею лирой дивной,
И сладко слухъ обворожилъ
Чарующей *Ундиной*.

О, сколько новаго тобой,
Поэтъ, душѣ открыто;
Грядущее взоръ видѣлъ твой;
Былое не забыто.
Ты съ лучшимъ міромъ насъ сроднилъ
И съ думой неземною,

И тайны сердца прояснилъ
Поэзіей святою.

Еще минувшій слышалъ вѣкъ
Пѣснь русскаго Орфея,
И вотъ твой новый даръ притекъ:
Гомера Одиссея.
И мы твои заслуги чтимъ
Согласными устами,
Благодаримъ, благодаримъ
Словами — и сердцами.

Еще пѣвецъ, тебѣ хвала,
Даруетъ благъ Податель,
Что Царственнаго ты Орла
Россіи воспитатель.
Ты созерцалъ Его полетъ,
И вотъ, вся Русь свидѣтель,
Какъ блещетъ въ немъ — во взорахъ свѣтъ,
А въ сердцахъ добродѣтель!»

Января 29-го 1849 года, въ день рожденія В. А. Жуковского, и въ воспоминаніе пятидесятилѣтней его литературной жизни, друзья и почитатели его собрались въ С. Петербургѣ, въ домъ Князя П. А. Вяземскаго. Бюстъ Жуковского стоялъ на возвышеніи, окруженный лаврами. Графъ Д. Н. Блудовъ прочелъ стихи, сочиненные въ привѣтъ отсутствующему другу Княземъ П. А. Вяземскимъ, а другіе стихи были пѣты Графомъ Мих. Юр. Вельгорскимъ. Этотъ незабвенный вечеръ освященъ былъ единодушнымъ выраженіемъ любви и признательности къ Жуковскому, и въ особенности присутствіемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, благоволившаго написать Свое Имя въ началѣ списка, посланнаго къ Жуковскому съ подписями всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ.

Жуковскій нетерпѣливо желалъ возвратиться въ отечество. Друзья, обладаженные его письмами, тѣмъ болѣе съ прискорбіемъ видѣли его замедленіе... болѣзнь глаза препятствовала ему пріѣхать. Въ послѣднее время онъ проживалъ въ Баденѣ, гдѣ оканчивалъ новую свою поэму: *Страстную Жидъ*, перевелъ три пѣсни Иліады и написалъ нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ дѣтямъ своимъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ. Въ одномъ изъ нихъ: *Царскосельскій Лебедь*, онъ, какъ бы предчувствуя предѣлъ своей жизни — пропѣлъ свою прощальную пѣснь.

Съ первыхъ чиселъ Апрѣля онъ опасно занемогъ. Священникъ, отецъ Іоаннъ Базаровъ, по приглашенію его пріѣхавшій изъ Штутгарта въ Баденъ, въ Понедѣльникъ на Ѳоминой Недѣлѣ, засталъ его на одрѣ болѣзни. Чувство немощи и разстройства силъ приводило въ нерѣшимость больного приступать къ исполненію священнаго долга, но...

«Есть случаи, когда приходитъ смертный къ Богу,
Съ раскаяньемъ души, съ сердечной данью слезъ,
Есть случаи, когда и къ смертнаго порогу,
Приходитъ Вѣчный Богъ съ призваньемъ въ сѣнь небесъ,»
и, внимая сей истинѣ изъ устъ достойнаго служителя алтаря, больной преклонилъ чело

«Съ умиленной душой,
Съ горячею вѣрой, съ сердечной мольбой,
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ» (*).

Онъ желалъ, чтобы прежде дѣти его сподобились пріобщенія Святыхъ Таинъ. Ангелы-малютки въ виду умира-

(*). Рудольфъ Габсбургскій. См. Соч. Жуковского.

ющаго отца приступили къ принятію Божественныхъ Даровъ, и мгновенно, больной, готовясь и самъ приступить къ пріобщенію, исполнился радостнымъ восторгомъ. Съ невыразимымъ восхищеніемъ, проливая слезы, принявъ святое причастіе, онъ говорилъ: «Дѣти мои, дѣти! Вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ пришелъ къ намъ! Онъ съ нами теперь! Радуйтесь, мои милые!»— Въ послѣдствіи онъ говорилъ супругѣ своей, что видѣлъ Спасителя, Который явился ему стоящимъ возлѣ дѣтей его, въ то время какъ они пріобщались Св. Таинъ. Когда подошла къ больному одна изъ посѣтительницъ, онъ взглянулъ на нее, и какъ бы въ ясновидѣніи вдругъ узналъ носимый ею сокровенно крестъ со святынею. Она въ изумленіи подтвердила его слова и поднесла ему крестъ съ частию Древа Господня, къ которому онъ и приложился.

Съ самаго начала болѣзни своей больной готовился къ кончинѣ съ Христіанскимъ спокойствіемъ и любовью къ Господу, разсуждая о блаженствѣ соединенія съ Богомъ, ожидающаго Христіанъ за гробомъ. Тогда же онъ говорилъ своему челоуку: «Василій, когда я умру, положи мнѣ сейчасъ на глаза по гульдену, и подвяжи ротъ, я не хочу чтобъ меня боялись мертваго.»—Тихій, спокойный, по временамъ погружаясь въ забвеніе, и снова приходя въ себя, онъ за часъ предъ кончиною подозвалъ къ себѣ малютку дочь свою. «Пойди, скажи матери, говорилъ онъ ей: я теперь въ ковчегѣ, и высылаю первую голубицу—это моя вѣра; другой голубь мой—это терпѣніе.»—«Душа уже готова!»—было послѣднее слово его, обращенное къ тещѣ.

Съ Пятницы на Субботу, 12-го Апрѣля, въ исходѣ втораго часа, горестная вдова и дѣти Жуковского окружали уже съ благоговѣйною скорбію бездыханное тѣло того, кто былъ ихъ счастьемъ. Они окружили цвѣтами одрѣ его, обвили его гирляндой неувядаемой зелени. Такъ засталъ его священникъ, вновь прибывшій по первой вѣсти о кончинѣ его. Спокойствіе и кротость сіяли на лицѣ мирно отшедшаго отъ земли, и блаженна была кончина его съ живою вѣрою въ Господа-Спасителя, такъ что вдова Жуковского съ восторгомъ сердца припоминала о святой радости его, при видѣніи Иисуса Христа.

На другой день прибыли въ Баденъ изъ Штутгарта пѣвчіе Государыни Великой Княгини Ольги Николаевны, посланные Ея Высочествомъ при первомъ извѣстіи кончинѣ Жуковского, переданномъ по телеграфу; съ ними присланъ былъ и Секретарь Ея Императорскаго Высочества, Аделунгъ, для выраженія соболѣзнованія осиротѣвшему семейству.

14-го Апрѣля, въ Понедѣльникъ, совершено отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго. Безчисленная толпа народа сопровождала печальное шествіе до мѣста погребенія. На пяти подушкахъ несли тридцать русскихъ и иностранныхъ орденовъ и знаковъ отличій покойнаго — свидѣтельство заслугъ его и уваженія къ нему европейскихъ монарховъ. Тѣло его предано землѣ на загородномъ баденскомъ кладбищѣ, въ склепѣ.

Жуковского не стало, но память о немъ будетъ жить въ вѣкахъ:

«Въ струнахъ золотыхъ—вдохновенъ живеть;
Пѣвецъ о любви благодатной поеть,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ!» (*).

(*). Рудольфъ Габсбургскій. См. Соч. Жуковского.

Б. Ф.

Къ № 16-му Русскаго Художественнаго Листка приложенъ портретъ Василія Андреевича Жуковского (съ портрета Крюгера), и снимокъ его почерка «Молитва Русскаго Народа».

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ,

зкончавшійся въ Бадень-Бадень, 12го Апрѣля 1852 года.

Молитва Русскаго народа

Боже, Царя храни!
Сильнѣи, дерзавнѣи,
Царствуй на славу нашу;
Царствуй на страхъ враговъ,
Царь православный,
Боже, Царя храни!

Жуковскій